

УДК 1(091)

АНАЛИЗ СТАНОВЛЕНИЯ ДИСЦИПЛИНАРНОГО ОБЩЕСТВА В XVIII ВЕКЕ В КОНЦЕПЦИИ М. ФУКО

Т.И. Литвинова

Тверской государственной технический университет (Тверь)

Рассматривается вопрос становления дисциплинарного общества в XVIII в. Сделана попытка, проанализировав причины возникновения дисциплинарного общества, методы и формы телесных практик в работе М. Фуко «Надзирать и наказывать», провести аналогию с современностью, выяснить, насколько актуальна проблема дрессуры тела в настоящее время.

***Ключевые слова:** дисциплинарное пространство, телесная практика, дисциплинарные техники, дисциплина, объект контроля, дисциплинированное тело.*

«Дисциплина», «дисциплинарные техники», «дисциплинирование тела» – эти понятия являются ключевыми в трудах французского философа Мишеля Фуко. Интерес к его работам, посвященным дисциплинарным пространствам, их формированию в XVIII в. не угасает до сих пор. Почему? Разве тема дисциплины, формирования «послушного» тела актуальна для современного общества, когда провозглашены все свободы, начиная от свободы слова и заканчивая сексуальной? Исчезла ли в настоящее время необходимость в дрессуре тела, в вымуштрованной армии, послушных учениках? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо обратиться к работе М. Фуко «Рождение тюрьмы. Надзирать и наказывать» и в ходе анализа выявить: 1) предпосылки создания дисциплинарных пространств; 2) механизмы действия дисциплинарных практик, т. е. методы и способы их реализации.

Как уже было сказано, Мишель Фуко долгое время занимался проблемой дисциплинарных пространств и телесными практиками в них. Наиболее полно идея дисциплинарной власти раскрывается в работе Фуко «Надзирать и наказывать». Здесь же он предложил одну из самых популярных своих концепций – «паноптизма» – всеподнадзорности. Саму идею Фуко позаимствовал у И. Бентама, предложившего в XVIII в. архитектурный проект тюрьмы «Паноптикон», где внутри расположенных по кругу камер находится центральная башня-место наблюдения за заключенными. В этих условиях никто из заключенных не мог быть уверен, что за ним не наблюдают, в результате они стали постоянно сами контролировать свое собственное поведение. Впоследствии этот принцип паноптизма был распространен на школы, казармы, больницы, были выработаны правила составления персональных досье,

системы классификации и аттестации – все, что способствовало установлению перманентного надзора, мониторинга над учениками, больными, т. е. на практике реализовывалась идея «всепоподзорности».

К теме телесных практик обращался Ж. Делез, долгое время сотрудничавший с Фуко и позднее развивший идею о переходе дисциплинарных пространств постмодерна в современное общество контроля [1]. Тему классических дисциплинарных пространств развивал Э. Канетти, отмечавший, что на дисциплинарные требования влияют человеческие взаимоотношения, смягчая или ужесточая их, и предложивший в связи с этим наблюдением термин «одомашнивание приказа» [3]. Очень показательна работа Ж.-Л. Нанси «Corpus», где тело описывается через, на первый взгляд, случайный набор признаков и характеристик, которые тем не менее в конечном итоге составляют полную и точную картину того, как во второй половине XX в. телесность отвоевывает смысловую значимость, самостоятельность [4]. В свете работ Фуко, Делеза, Нанси частично стирается резкая граница телесного и духовного, и тело становится ничуть не менее важной характеристикой субъекта, нежели разум или душа.

Эпоха Просвещения, открывшая свободы, изобрела и дисциплины. В это время тело становится объектом и мишенью политической власти и подвергается формированию, муштре, манипуляциям. Данные процессы имеют одну цель – сделать тело послушным, управляемым механизмом. Марсель Энафф следующим образом характеризует послушное тело: оно «представляет собой идеальную модель механизма... которым является тело, лишенное души... это устройство, которое, начав работу, перестает быть хозяином своих движений: они определяются лишь конструкцией машины и запасом энергии» [6, с. 52]. В дисциплинарных пространствах (коллеже, больнице, казарме, заводе, армии, тюрьме) человек неизбежно превращается в своего рода человека-машину. Дисциплинарные техники тоталитарных сообществ России выступают методами обучения, позволяющими индивидам соответствовать установленным требованиям. Как, например, в СССР, это было в физической культуре: существовали нормы ГТО, обязательные для сдачи всеми гражданами.

Тактика власти, которую пытается ввести дисциплинарная техника, как правило, отвечает следующим критериям:

1. Отправление власти должно быть максимально дешевым (экономически – благодаря малым расходам и политически – в силу ее сдержанности, слабого внешнего выражения, относительной невидимости и незначительного сопротивления ей).

2. Действия этой власти должны быть максимально сильными и распространяться как можно дальше, без провалов и пробелов.

3. «Экономический» рост власти должен быть связан с производительностью аппаратов (образовательных, военных, промышленных, медицинских), внутри которых она отправляется.

Возникновение дисциплинарных пространств у Фуко относится к началу XVIII в. И это не случайно, именно в конце XVII – начале XVIII в. произошли события, обусловившие необходимость появления так называемого «человека дисциплинированного». Во-первых, демографический скачок, следовательно, возрастание текущего населения, а одна из функций дисциплины – закреплять население на месте. И, во-вторых, рост производительного аппарата, который становится все более дорогим, и необходимо решить проблему увеличения его рентабельности. «Развитие дисциплин знаменует возникновение элементарных техник власти, основанных на совершенно другой экономии: на механизмах власти, которые, вместо того чтобы “взимать”, органически входят в продуктивную эффективность аппаратов, в рост этой эффективности и использование того, что она производит» [5, с. 321].

Необходимо отметить, что в любом обществе на тело существующая власть налагает принуждение, запреты или обязательства. Но в техниках дисциплинарного общества есть принципиально новое. Изменился масштаб контроля: тело рассматривается не в общих чертах, оно начинает контролироваться в деталях, подвергаться более тонкому, даже рафинированному принуждению. Контроль над телом обеспечивает его захват на уровне самой механики – движений, жестов, положений, быстроты: таким образом осуществляется бесконечно малая власть над активным телом. Также изменился объект контроля: не элементы поведения или языка тела, а экономия, эффективность движений, их внутренняя организация и единственная по-настоящему важная церемония – упражнение. Достаточно вспомнить многочисленные инструкции на производственных предприятиях и появление в XX в. специализированного дискурса о «научной организации труда». И наконец, изменилась модальность: теперь она подразумевает непрерывное, постоянное принуждение, озабоченное процессами деятельности, а не ее результатом, и осуществляется согласно классификации, практически разбивающей на клеточки время, пространство и движения. И как пример снова то же производственное предприятие – у каждого рабочего свой участок работы, четкие обязанности, даже свое место в раздевалке (именной шкафчик), свое отведенное место в столовой.

Дисциплинарные методы существовали давно – в монастырях, в регулярных армиях, но только с образованием дисциплинарных пространств, а именно организованных пространств, поддерживаемых и регулируемых государством, дисциплины, по мнению Фуко, превращаются ни более, ни менее в формулы господства. Эти формулы отличаются от рабства и вассалитета «тем, что не основываются на отношении присвоения тел и даже обладают некоторым изяществом, поскольку мо-

гут достичь по меньшей мере равной полезности, не затрудняя себя упомянутым дорогостоящим и насильственным отношением» [там же, с. 200]. При этом «изящном» подходе дисциплинарная техника призвана решить и успешно решает следующие задачи:

1. Сократить «бесполезность» действий человеческой массы: ограничить то, что делает множество гораздо менее управляемым, чем единство; то, что препятствует использованию каждого из элементов множества и их суммы; все то, что отменяет преимущества, обеспечиваемые массой. Вот почему дисциплина фиксирует; задерживает или регулирует перемещения; устраняет смещения; рассеивает компактные группы индивидов, чье поведение непредсказуемо; обеспечивает исчисляемые распределения. Как пример – введение паспортного контроля; распределение материальных благ – очереди на жилье.

2. Обуздывать все силы, возникающие из самой структуры организованного множества, нейтрализовать проявления противодействия, порождаемые этими силами и оказывающие сопротивление власти, которая стремится восторжествовать над множеством: волнения, бунты, стихийные организации, коалиции – все, что устанавливает горизонтальные связи. Это прослеживается и в настоящее время – многочисленные митинги, забастовки за последнее десятилетие в России, и неременный атрибут – посты ОМОНа на них.

3. Усиливать единичную полезность каждого элемента множества, причем самыми быстрыми и дешевыми способами, используя для этого, так сказать, само множество. Отсюда использование, для извлечения из тел максимума времени и сил, общих методов, известных как распорядок дня, коллективная муштра, упражнения, глобальный и вместе с тем детальный надзор.

4. Усиливать эффект полезности множеств, добиваясь, чтобы каждое из них было полезнее простой суммы своих элементов; именно для увеличения полезных свойств множества дисциплины вводят тактики распределения, обоюдного приспособления тел, жестов и ритмов, дифференцирования способностей, взаимной координации относительно аппаратов или задач. Можно вспомнить элементы работы пионерской и комсомольской организации в СССР – линейки, митинги, т. е. организованные массовые действия, где единой массой делали стандартный набор одинаковых отрепетированных действий.

Дисциплинарное пространство начинает формироваться с того момента, когда искусство владения человеческим телом направляется не только на увеличение его ловкости и сноровки, не только на усиление его подчинения, но и на формирование отношения, которое в самом механизме делает тело тем более послушным, чем более полезным оно становится, и наоборот. Человеческое тело вступает в механизмы власти, которые тщательно обрабатывают его, разрушают его порядок и собирают заново. Рождается «политическая анатомия», являющаяся од-

новременно «механикой власти». Она определяет, как можно подчинить себе тела других, с тем чтобы заставить их не только делать что-то определенное, но действовать определенным образом, с применением определенных техник, с необходимой быстротой и эффективностью. «Так дисциплина производит подчиненные и упражняемые тела, “послушные” тела... Если экономическая эксплуатация разделяет силу и продукт труда, то дисциплинарное принуждение, можно сказать, устанавливает в теле принудительную связь между увеличивающейся пригодностью и возрастающим господством» [там же, с. 202].

Интересны методы, которыми пользуется дисциплинарная техника. Фуко выделяет их четыре.

1. Дисциплина требует спецификации места. Оно должно быть отгороженным и замкнутым в самом себе. Это проявилось в коллежах, больницах, казармах, фабриках, тюрьмах. Эти пространства действительно огорожены, и «Посторонним вход воспрещен», как в одноименном кинофильме. Если ты посторонний, то не попадешь за ворота пионерского лагеря, завода или лечебницы. И, что не менее важно, без разрешения ты и не выйдешь с этой территории, не сможешь покинуть ее пределы.

2. Организация аналитического пространства. Дисциплинарные механизмы прорабатывают пространство по принципу элементарной локализации или расчерчивания и распределения по клеткам. Каждому индивиду отводится свое место, каждому месту – свой индивид. Это дортуары, отдельные палаты в больницах, камеры для одиночных заключенных. Дисциплинарное пространство имеет тенденцию делиться на столько клеточек, сколько есть тел или элементов, подлежащих распределению. Потому что необходимо аннулировать следствия нечетких распределений, бесконтрольное исчезновение индивидов, их диффузную циркуляцию, их бесполезное и опасное сгущение. Например, необходимо вести борьбу с дезертирством, бродяжничеством, скоплениями людей; вести учет наличия и отсутствия, знать, где и как найти того или иного индивида, устанавливать полезные связи, разрывать все другие, иметь возможность ежеминутного надзора за поведением каждого, быть в состоянии оценивать его, подвергать наказанию, измерять его качества и заслуги.

3. Метод функциональных размещений. Постепенно дисциплинарным пространствам отводятся определенные места, что должно отвечать необходимости надзора и разрыва опасных связей. Этот процесс ясно просматривается в организации пространств больниц, особенно военных и флотских госпиталей. То есть местоположение при возникновении того или иного дисциплинарного пространства учитывает многие факторы. Например, расположение тюрем вдали от населенных пунктов, а школ и детских садов наоборот – в жилых секторах.

4. Метод взаимозаменяемости элементов. Каждый из элементов определен местом, занимаемым им в ряду других, и промежутком, отделяющим его от других. Следовательно, единицей является не территория (единица господства), не место (единица расположения), а ранг: место, занимаемое в классификации. Дисциплина индивидуализирует тела посредством локализации, которая означает не закрепление их на определенном месте, а их распределение и циркулирование в сети отношений.

Еще одна немаловажная характерная черта дисциплинарного общества – это отношение к телесности. Телесность, как уже было сказано, здесь является объектом контроля, главенствующим методом контроля над ней является упражнение, посредством которого тело становится «послушным». Основное предназначение упражнений – постоянная тренировка, тем самым имплицитно тело оказывается занятым всегда (даже тогда, когда оно напрямую – функционально – не используется). Этот процесс характеризуют, по мнению Фуко, следующие черты:

1. Все время подразделяется на последовательные отрезки, каждый из которых наполнен определенным видом деятельности и продолжается определенное время, таким образом, например, отделяют теоретические занятия от практики. В настоящее время такое распределение видов занятий сохраняется во всех средних и высших учебных заведениях.

2. Время, разбитое на организованные ряды, образует некую аналитическую схему, инструкцию, где обучение идет главным образом путём следования инструкции. Особенно ярко это можно увидеть опять-таки в сфере образования: на школьных уроках до сих пор учителя в основном придерживаются такого плана урока: проверка домашнего задания, объяснение нового материала, закрепление нового материала. Также в настоящее время, когда красивое тело возведено в культ и существует множество фитнес-клубов, танцевальных и спортивных секций, занятия имеют определенную структуру, которая воспринимается как руководство к действию.

3. Временные отрезки по завершению увенчиваются процессом экзаменации. Экзамен, таким образом, призван решить следующие задачи: показать, достиг ли индивид требуемого уровня; гарантировать, что его обученность соответствует имеющейся у других; определить способности каждого индивида. «Когда сержанты, капралы и т. п., которым вверили обучение других, убедятся, что данный солдат готов к переходу в первый класс, они представляют его сначала офицерам своей роты, подвергающим его детальному экзамену. Если будет решено, что он не вполне овладел необходимыми навыками, то его не переводят... Достаточно малейшего промаха, чтобы солдат не был принят. Никто не может перейти из второго класса в первый до тех пор, пока не сдаст этот первый экзамен» [там же, с. 232]. Нужно ли вспоминать экзамены в школе и вузе, систему ЕГЭ, курсы повышения квалификации с обяза-

тельным экзаменом по завершению, экзамены в автошколе, присвоение более высокой квалификации сотрудникам в фирмах?

4. Каждому индивиду предлагаются подходящие ему упражнения. Общие упражнения играют дифференцирующую роль, а после их прохождения начинается серия специальных упражнений, которые в дальнейшем определяют место индивида в системе, определяют его ранг.

Все это позволяет осуществлять строгий контроль над телесностью и в настоящее время. Несомненно, в организации и усилении контроля помогают методы, выделенные Фуко для дисциплинарных пространств XVII в., но не потерявшие актуальности и в XXI. Вот какие способы дисциплинирования тела выделяет исследователь:

– *распределение рабочего времени* – установление ритмичности, принуждение к четко определенным занятиям, введение повторяющихся циклов. Дисциплины изменяют методы упорядочения времени, из которых они произошли, они их совершенствуют. Начинают считать в четвертях часа, минутах, секундах. А в начальных школах разбивка времени становится все более дробной; все виды деятельности до мелочей регулируются приказами, которые должны выполняться немедленно: «В начале XIX века для школ взаимного обучения предлагается следующее расписание: «8.45: появление наставника, 8.52: наставник приглашает детей, 8.56: приход детей и молитва, 9.00: дети рассаживаются по скамьям, 9.04: первый диктант на грифельных досках, 9.08: окончание диктанта, 9.12: второй диктант ...» [там же, с. 219]. На многих предприятиях действует система электронных пропусков, когда фиксируется время прихода и ухода с работы. Четкое расписание занятий в образовательных учреждениях также проявление контроля над телесностью;

– *детализация действия во времени*. Устанавливается своего рода анатомо-хронологическая схема поведения. Действие разбивается на элементы. Определяется положение тел, конечностей, суставов. Для каждого движения предусматриваются направление, размах, длительность, предписывается последовательность его выполнения. Как один из примеров – современный спорт, когда тренировки спортсменов четко выверены и являются строгой пошаговой инструкцией;

– *корреляция тела и жеста*. Дисциплинарный контроль насаждает наилучшее соотношение между жестом и общим положением тела, которое является условием его эффективности и быстроты. «При надлежащем использовании тела, обеспечивающем надлежащее использование времени, ничто не должно оставаться бездействующим или бесполезным: должны быть привлечены все средства для поддержки требуемого действия. Хорошо дисциплинированное тело образует операционный контекст для малейшего жеста. Дисциплинированное тело – подставка для эффективного жеста» [там же, с. 222];

– *связь между телом и объектом*. Дисциплина определяет, какие отношения тело должно поддерживать с объектом, которым оно манипу-

лирует. Существуют четкие и принудительные предписания. Образуются комплексы: тело-оружие, тело-инструмент, тело-машина. Насаждаемая властью регламентация является в то же время законом построения операции. Так проявляется еще одно свойство дисциплинарной власти: она выполняет функцию не столько изъятия, сколько синтеза, не столько вымогательства продуктов труда, сколько принудительной связи с производственной машиной. В применении к реальности можно говорить о формировании следующих тел – тело-солдат, тело-манекенщица, тело-менеджер. Телесность стала более индивидуализированной, но существуют коллективные образы, стать которыми стремятся люди;

– *исчерпывающее использование времени*. Распорядок дня должен предотвращать опасность пустой траты времени, представляющей собой моральный проступок и экономическую нечестность. Речь идет о том, чтобы извлекать из времени все больше доступных моментов, а из каждого момента – все больше полезных сил. Это значит, что надо стремиться к более интенсивному использованию малейшего мига.

Рассмотрев основополагающие моменты работы Фуко о дисциплинарных пространствах, можно сделать следующие выводы. Фуко описывает дисциплинарное общество XVIII в., где «подчинение тела достигается не столько насилием или насаживанием идеологии, сколько более тонкими, рассчитанными, организованными, продуманными средствами. Технологии тела не локализованы в конкретном институте или государственном аппарате, они рассеяны в пространстве и задействуют различные механизмы. В результате их действий формируется послушный субъект» [2, с. 288]. Но это же можно сказать и про общество современное, которое пользуется теми же дисциплинарными техниками, теми же механизмами воздействия для осуществления контроля над телом, что и триста лет назад. Да, при этом техники стали более рафинированными, мягкими, виртуозными, усилилось влияние СМИ и социальных сетей на отношение человека к своему телу. Формирование культа здорового красивого тела объясняется тем, что в современных социально-экономических условиях здоровье стало ценностью не только физической, но и эстетической и экономической. Об этом говорит быстроразвивающаяся индустрия красоты и здоровья, индустрия туризма и отдыха, изменения в психологии работодателей, когда предпочтение отдается здоровым сотрудникам. Все это, несомненно, указывает на то, что тема дисциплинарных техник, контроля над телом, формирования телесных практик актуальна и в наши дни.

Список литературы

1. Делез Ж. Общество контроля // Элементы. Евразийское обозрение. № 9. 1998.

2. Гурова О. Советское нижнее белье: между идеологией и повседневностью. М., 2008.
3. Канетти Э. Масса и власть. М., 1997.
4. Нанси Ж.-Л. Corpus. М., 1999.
5. Фуко М. Надзирать и наказывать. М., 1999.
6. Энафф М. Маркиз де Сад: Изобретение тела либертена. СПб., 2005.

THE ANALYSIS OF FORMATION OF THE XVIII-TH CENTURY DISCIPLINARY SOCIETY IN M. FOUCAULT'S THEORETICAL HERITAGE

T.I. Litvinova

Tver State Technical University

The article examines the issue of formation of the XVIII-th century disciplinary society. On the basis of the analysis of the conditions shaping the disciplinary society, the basic corporal practices revealed in M.Foucault's "Discipline and Punish" are studied. Drawing the analogy with the present, it becomes possible to prove that the problem of body discipline practices is still of vital importance.

Keywords: *disciplinary space, corporal practice, disciplinary technique, discipline, object of the control, the disciplined body.*

Об авторе:

ЛИТВИНОВА Татьяна Ивановна – соискательница кафедры психологии и философии Тверского государственного технического университета. E-mail : litvinova_ _t@mail.ru.